

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Джордж
Элиот

МИДЛМАРЧ

*Картины
провинциальной
жизни*

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Э 46

Перевод с английского
Ирины Гуровой (Прелюдия, книга I–IV),
Екатерины Коротковой (книги V–VIII, Финал)

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-12115-7

© И. Гурова (наследник), перевод,
комментарии, 2018
© Е. Короткова, перевод, 1981
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство Иностранка®

Прелюдия

Тот, кто ищет узнать историю человека, постигнуть, как эта таинственная смесь элементов ведет себя в разнообразных опытах, которые ставит Время, конечно же, хотя бы кратко, ознакомился с жизнью святой Терезы и почти наверное сочувственно улыбнулся, представив себе, как маленькая девочка однажды утром покинула дом, ведя за руку младшего братца, в чаянии обрести мученический венец в краю мавров. Они вышли за пределы суровой Авилы, большеглазые и незащитные на вид, как два олененка, хотя сердца их воспламеняла недетская идея объединения родной страны, — но затем их настигла будничная действительность в облике рассерженных дядюшек и они вынуждены были отказаться от своего великого решения. Это детское паломничество явилось достойным началом. Страстная взыскующая идеала натура Терезы требовала и искала подлинно эпического жизненного пути — что были ей многотомные рыцарские романы или светские успехи, венчающие красоту и ум? Ее пламя быстро сожгло это легкое топливо и, питаемое изнутри, устремилось ввысь на поиски некоего бесконечного восторга, некоей цели, которая не может приесться и позволяет примирить пренебрежение к себе и упоение от слияния с жизнью вне собственного «я». И она обрела свою эпопею в преобразовании монашеского ордена.

Конечно, эта испанка, жившая триста лет назад, была не единственной и не последней из подобных ей. Рождалось много таких Терез, которым не удалось найти для себя эпический жизненный путь, не удалось целиком отдаться живой и значительной деятельности. Быть может, уделом их становилась жизнь, полная ошибок, порожденных духовным величием, так и не получившим случая проявить себя, а быть может — трагическое разочарование и гибель, которые не обрели вдохновенного поэта и неведомыми, неоплаканными канули в небытие. В полутьме, в житейской пута-

нице они пытались сохранять благородную гармонию между своими мыслями и делами, а пошлым глазам борьба их представлялась бессмысленными метаниями, ибо эти поздно родившиеся Терезы не находили опоры в устремлениях и надеждах всего общества, которые для пылкой души, жаждущей применения своим силам, заменяют знание. Их пыл искал выхода в служении какому-то неясному идеалу или отдавал их во власть чисто женских порывов, но первое объявлялось эксцентричностью, а второе бесполезно осуждалось как нарушение морали.

По мнению некоторых, причина этих беспомощных блужданий заключается в том, что Высшая Сила, создавая женскую натуру, не избежала неудобной неопределенности. Если бы существовал единый четкий уровень женской никчемности — например, способность считать только до трех, — общественный жребий женщин можно было бы оценивать с научной достоверностью. Но неопределенность существует, и пределы колебаний в действительности много шире, чем можно было бы подумать, судя по однообразию женских причесок и любовным историям как в стихах, так и в прозе, пользующимся неизменным успехом. Тут и там в утином пруду среди утят тоскливо растет лебеденок, который так никогда и не погружается в живой поток общения с себе подобными белокрылыми птицами. Тут и там рождается святая Тереза, которой ничего не дано основать, — она устремляется к недостижимой благодати, но взволнованные удары ее сердца, ее рыдания бесплодно растрачиваются и замирают в лабиринте препятствий, вместо того чтобы воплотиться в каком-нибудь деянии, долго хранящемся в памяти людской.

Книга I

МИСС БРУК

ГЛАВА I

Бессилен я, ведь женщина всечасно
К тому стремится лишь, что рядом.
Бомонт и Флетчер. Трагедия девушки

Мисс Брук обладала красотой того рода, для которой скромное платье служит особенно выгодным фоном. Кисти ее рук были так изящно вылеплены, что ей пошли бы даже те столь далекие от моды рукава, в которых Пресвятая Дева являлась итальянским художникам, а ее черты, сложение и осанка благодаря простоте одежды словно обретали особое благородство, и среди провинциальных щеголих она производила такое впечатление, какое производит величаява цитата из Святого Писания или одного из наших старинных поэтов в современной газетной статье. О ней обычно отзывались как о чрезвычайно умной девице, но добавляли, что у ее сестры Селии здравого смысла куда больше. А ведь Селия одевалась немногим наряднее сестры, и только особенно внимательный взгляд мог бы подметить, что ее туалет не лишен кокетства. Дело в том, что простота одежды мисс Брук объяснялась рядом обстоятельств, большинство которых в равной степени воздействовало и на ее сестру. Немалую роль играла тут сословная гордость: род Бруков, если и не знатный, несомненно, был «хорошим»: заглянув на одно-два поколения назад, вы не обнаружили бы предков, которые ловко отмеряли материю или завязывали пакеты, — никого ниже адмирала или священника. А среди более дальних пращуров имелся даже «джентльмен-пуританин», служивший под началом Кромвеля, — однако впоследствии он поладил с монархией и после всех политических пердряг остался владельцем прекрасного родового поместья. Вполне понятно, что девицы такого происхождения, проводившие жизнь

в тихом деревенском доме и молившиеся в приходской церкви, менее просторной, чем иная гостиная, считали ленточки и прочую мишуру приличными лишь дочкам лавочника. Далее, в те дни люди, принадлежащие к благородному сословию и вынужденные экономить, начинали с расходов на одежду, чтобы не урезать суммы, необходимые для поддержания престижа семьи в более существенных отношениях. Этих причин и без каких-либо религиозных принципов было бы вполне достаточно, чтобы одеваться просто, однако, если говорить о мисс Брук, для нее решающими были именно религиозные принципы. Селия же кротко соглашалась со взглядами сестры, хотя и привносила в них тот здравый смысл, который помогает принимать самые возвышенные доктрины без излишней восторженности. Доротея знала наизусть множество отрывков из «Мыслей» Паскаля, а также из трудов Джереми Тейлора и, занятая судьбами рода человеческого, видевшимися ей в озарении христианской веры, полагала, что интерес к модам и нарядам достоин разве что приюта для умалишенных. Она не могла примирить борения духовной жизни, обращенной к вечности, с заботами о рюшах, оборках и шлейфах. Ее ум был теоретического склада и по самой своей природе жаждал неких высоких понятий о мире, непосредственно приложимых к приходу Типтон и к ее собственным правилам поведения там. Ее влекли горение и величие духа, и она опрометчиво увлекалась всем, что, как ей казалось, несло их печать. Она могла бы искать мученичества, затем отступить и все-таки принять мученичество, но вовсе не то, к которому стремилась. Разумеется, подобные черты характера у девушки на выданье препятствовали естественному ходу событий и мешали тому, чтобы судьбу ее, как это чаще всего бывает, решили красивая внешность, тщеславие и щенячья привязанность. При всем том она, хотя была старше сестры, еще не достигла двадцатилетнего возраста, и обе они, оставшись сиротами, когда Доротее было двенадцать, воспитывались весьма бес толково, хотя и строго, сначала в английской семье, а потом в швейцарской в Лозанне — так их дядя, старый холостяк, принявший опеку над ними, старался возместить им утрату родителей.

Последний год они жили в Типтон-Грейндже у своего дяди, которому было теперь уже под шестьдесят. Человек мягкий и покладистый, он отличался большой пестротой мнений и некоторой зыбкостью политических убеждений. В молодости он путешествовал, и соседи полагали, что именно этому обстоятельству он

и обязан вздорностью своего ума. Выводы, к которым приходил мистер Брук, были столь же труднопредсказуемыми, как погода, а потому можно утверждать только, что руководствовался он всегда самыми благими намерениями и старался расходовать на их осуществление как можно меньше денег. Ибо даже самые расплывчатые натуры всегда обладают одной-двумя твердыми привычками, и человек, нисколько не заботящийся о своих делах, ревниво оберегает свою табакерку от чужих посягательств, бдительно следя за каждым подозрительным движением и крепко сжимая ее в руке.

Но если наследственная пуританская энергия так и не пробудилась в мистере Бруке, она зато равно пылала во всех недостатках и достоинствах его старшей племянницы и нередко преображалась в досаду, когда дядюшка пускался в рассуждения, а также из-за его манеры «оставлять все как есть» у себя в поместье — в такие минуты Доротее особенно не терпелось поскорее достичь совершеннолетия, когда она получит право распоряжаться своими деньгами и сможет употребить их для всяческих благородных начинаний. Она считалась богатой невестой: ведь не только обе сестры получили в наследство от родителей по семисот фунтов годового дохода, но, кроме того, сын Доротеи, если бы она вышла замуж и у нее родился сын, унаследовал бы поместье мистера Брука, которое, по слухам, приносило в год около трех тысяч фунтов — большое богатство в глазах провинциалов, все еще обсуждавших последнюю позицию мистера Пиля в католическом вопросе, не грезивших о грядущих золотых россыпях и понятия не имевших о плутократии, чья пышность вознесла на столь недосягаемую высоту обязательные атрибуты благородного образа жизни.

Но что, собственно, препятствовало Доротее выйти замуж — такой красавице и с таким приданым? Да ничего, кроме ее любви к крайностям, кроме стремления жить согласно с понятиями, которые могли удержать осторожного поклонника от предложения ей руки и сердца или же побудить ее отвечать отказом всем женихам. Юная барышня благородного происхождения и с недурным состоянием, которая вдруг падает на колени на кирпичный пол у постели больного поденщика и возносит пылкую молитву, будто живет во времена апостолов! А то принимается поститься, точно папистка, и ночи напролет читает старые богословские трактаты! Такая жена вполне может разбудить вас рано поутру и радостно сообщить, что нашла новый способ распоряжаться своими дохо-

дами — способ, который идет вразрез с положениями политической экономии и не позволит держать верховых лошадей. Вполне естественно, что любой мужчина дважды подумает, прежде чем избрать подобную подругу жизни. Конечно, женщинам положены нелепые убеждения, но действовать исходя из них им не полагается — это служит надежной защитой для общества, а также для семейной жизни. Разумные люди ведут себя как все, и если появляются сумасшедшие, их нетрудно распознать и избегать.

Соседские барышни и даже обитатели сельских хижин отдавали предпочтение Селии, всегда приветливой и невинно-простодушной, тогда как огромные глаза мисс Брук, подобно ее религиозности, были слишком уж необычными и странными. Бедняжка Доротея! По сравнению с ней Селия, какой бы невинно-простодушной она ни выглядела, была много более искушенной и опытной — ведь дух человеческий куда сложнее внешней оболочки, которая служит ему своего рода эмблемой или циферблатом.

Однако вопреки пугающим слухам те, кто оказывался в обществе Доротеи, скоро убеждались, что она при всем том обладает редким очарованием. Мужчины находили, что в седле она обворожительна. Ей нравилось дышать воздухом полей и любоваться деревенскими видами, ее глаза радостно блестели, щеки розовели, и она совсем не походила на религиозную фанатичку. Верховая езда была удовольствием, которое Доротея разрешала себе, несмотря на укоры совести, твердившие ей, что удовольствие это языческое и чувственное, и потому она все время предвкушала миг, когда откажется от него.

Доротея была откровенной и пылкой натурой, менее всего склонной к самолюбованию: напротив, она искренне приписывала своей сестре достоинства, далеко превосходившие ее собственные, и, если в Типтон-Грейндж являлся визитер, не торопившийся затвориться с мистером Бруком в его кабинете, она не сомневалась, что он влюблен в Селию, — например, сэр Джеймс Четтем, которого она постоянно оценивала с этой точки зрения, не в силах решить, следует ли Селии принять его предложение. Мысль о том, что предмет его внимания вовсе не Селия, а она сама, показалась бы ей нелепой. Как ни жадно стремилась Доротея познавать высокие истины, ее представления о браке оставались самыми детскими. Она была убеждена, что вышла бы за Прозорливого Гукера и спасла бы его от злополучного брака, доведись ей родиться в том веке. Или же за Джона Мильтона, когда его поразила сле-

пота. Или же за любого из тех великих людей, чьи причуды требовали от жены поистине благочестивого терпения. Но любезный, красивый баронет, отвечавший «совершенно верно!» на любую ее фразу, даже когда она выражала недоумение, — как могла она отнестись к его ухаживаниям? Нет, безоблачно счастливым может быть только такой брак, когда муж более походит на отца и способен научить жену даже древнееврейскому языку, буде она того пожелает.

Наблюдая эти странности Доротей, соседи еще больше осуждали мистера Брука за то, что он не подыскал в наставницы и компаньонки своим племянницам какую-нибудь почтенную даму средних лет. Но он так страшился тех наделенных воинственными добродетелями женщин, которые могли бы взять на себя подобные обязанности, что поддался уговорам Доротей и против обыкновения нашел в себе мужество пойти наперекор мнению всего света — а вернее, мнению миссис Кэдуолледер, супруги приходского священника, и трех-четырёх помещичьих семей, живущих по соседству с ним в северо-восточной части Сельскшира. А потому мисс Брук вела дом своего дяди, и ей вовсе не были неприятны почётность нового ее положения и сопряженная с ним власть.

В этот день мистер Брук ожидал к обеду сэра Джеймса Четтема и еще одного джентльмена, которого сестры не знали, хотя Доротей при мысли о знакомстве с ним испытывала почти благоговейную радость. Это был преподобный Эдвард Кейсобон, который славился в их краях необыкновенной ученостью и, по слухам, много лет готовил великий труд, имевший касательство к истории религии. К тому же богатство придавало особый блеск его благочестию и позволяло ему придерживаться собственных взглядов — сущность их должна была стать ясной после опубликования его труда. Даже самая его фамилия обладала особой внушительностью для тех, кто знал ученых богословов прошлых времен.

Утром Доротей, возвратившись из школы, которую она учредила для деревенских ребятишек, сидела в уютной гостиной, разделявшей спальни сестер, и чертила план какого-то здания (ей очень нравилась такая работа), когда Селия, уже несколько минут собиравшаяся с духом, вдруг сказала:

— Доротей, душечка, может быть, ты... если ты не очень занята... Может быть, мы переберем сегодня мамнины драгоценности и поделим их? Сегодня исполнилось ровно шесть месяцев с тех пор, как дядя тебе их отдал, а ты так ни разу на них даже и не взглянула.

Лицо Селии приняло выражение досады — правда, легкой, потому что она сдерживалась, привычно побаиваясь Доротеи и ее принципов: стоило неосторожно задеть их, и мог возникнуть таинственный электрический разряд. К большому ее облегчению, Доротея посмотрела на нее с веселой улыбкой:

— Какой же ты, оказывается, точный календарик, Селия! Но ты имеешь в виду солнечные месяцы или лунные?

— Сегодня последний день сентября, а дядя отдал их тебе первого апреля. Он еще сказал тебе, что совсем про них забыл. А ты заперла их в бюро и, по-моему, ни разу о них не вспомнила.

— Но ведь нам все равно не придется их надевать, милочка, — ласково объяснила Доротея, чертя что-то карандашом на полях плана.

Селия покраснела и насупилась:

— Мне кажется, душечка, оставлять их без внимания — значит не проявлять должного уважения к памяти мамы. И к тому же, — добавила она, поколебавшись и подавляя вздох огорчения, — ожерелья теперь можно увидеть на ком угодно, да и мадам Пуансон, чьи взгляды были кое в чем строже твоих, надевала украшения. И вообще, христианам... уж наверное в раю немало женщин, которые в свое время носили драгоценности. — Когда Селия решалась спорить, она умела находить доводы, как ей казалось, весьма убедительные.

— Ты хотела бы носить их? — вскричала Доротея с драматическим удивлением, бессознательно подражая той самой мадам Пуансон, которая надевала украшения. — В таком случае, конечно, их надо достать. Почему ты мне раньше не сказала? Но ключи... где же ключи? — И она прижала ладони к вискам, тщетно напрягая память.

— Вот они, — перебила Селия, которая давно уже обдумала этот разговор и подготовилась к нему.

— Будь так добра, отопрй большой ящик бюро и достань шка-тулку.

Вскоре шкатулка была открыта и вынутые из нее драгоценности блестели и переливались на столе. Их было не так уж много, но некоторые пленяли глаз красотой и изяществом, особенно ожерелье из лиловых аметистов в ажурной золотой оправе и жемчужный крестик с пятью бриллиантами. Доротея тотчас взяла ожерелье и надела сестре на шею, которую оно охватило плотно, почти как браслет, но посадкой головы Селия несколько походила на королеву Генриетту-Марию, и этот обруч был ей очень

к лицу, в чем она не замедлила убедиться, поглядев в зеркало напротив.

— Ну вот, Селия! Его ты можешь носить с платьем из индийского муслина. Но крестик надевай только с темными платьями.

Селия старалась согнать с губ радостную улыбку.

— Нет, Додо, крестик ты должна взять себе.

— Что ты, милочка, ни в коем случае, — ответила Доротея, пренебрежительно махнув рукой.

— Нет, возьми! Он очень тебе пойдет. Вот к этому темному платью, — настаивала Селия. — Уж его-то ты надеть можешь!

— Ни за что на свете. Я никогда не надену крест как пустое украшение. — Доротея даже вздрогнула.

— Значит, ты считаешь, что я поступлю дурно, если надену его? — смущенно спросила Селия.

— Вовсе нет, милочка! — ответила Доротея, нежно потрепав сестру по щеке. — Ведь и у каждой души свой цвет лица, — что идет одной, нехорошо для другой.

— Но может быть, ты взяла бы его на память о маме?

— Нет, у меня есть другие мамины вещи. Ее сандаловая шкатулка, которую я так люблю. Ну, и еще... А это все твое, милочка, так что мы можем больше их не рассматривать. Ну-ка, забирай свою собственность.

Селия немного обиделась. Эта пуританская снисходительность была точно гордый взгляд сверху вниз, и младшую сестру, не плававшую религиозным рвением, он задел не меньше самых строгих пуританских упреков.

— Но как же я буду надевать украшения, если ты, старшая сестра, никогда их не носишь?

— Ну это уж слишком, Селия, — просить, чтобы я нацепляла на себя побрякушки ради твоей прихоти. Если бы я надела такое ожерелье, у меня, наверное, все бы в глазах завертелось. Я даже шагу не смогла бы ступить.

Селия расстегнула застежку ожерелья и сняла его.

— У тебя на шее оно, пожалуй, не сойдется. Тебе нужно бы что-нибудь вроде длинной нитки бус с подвеской, — сказала она, словно оправдываясь. Оттого что ожерелье во всех отношениях не годилось Доротее, у Селии стало легче на душе. Она открыла коробочки с кольцами, и луч солнца, выглянувшего из-за облаков, упал на прекрасный изумруд в розетке из бриллиантов.

— Как красивы эти камни! — сказала Доротея, поддаваясь новому чувству, столь же внезапному, как этот луч. — Странно, что

цвета способны проникать в самую душу, подобно ароматам. Наверное, потому-то в Откровении Иоанна Богослова драгоценные камни служат символами духовных сокровищ. Они похожи на осколки неба. По-моему, этот изумруд прекраснее всего остального.

— А вот браслет к нему, — сказала Селия. — Мы его как-то не заметили.

— Какая прелесть! — воскликнула Доротея, надев браслет и кольцо на точеное запястье и красивый палец и поднеся их к окну на уровне глаз. Все это время она внутренне подыскивала оправдание восторгу, который ощутила при виде игры драгоценных камней, и уже ощущала его как мистическую радость, даруемую религией.

— Но они же нравятся тебе, Доротея, — неуверенно сказала Селия, сбивая с толку таким неожиданным проявлением слабости и думая, что изумруды самой ей пошли бы даже больше, чем лиловые аметисты. — Возьми их, раз уж ты ничего другого не хочешь. Хотя взгляни-ка на эти агаты — они очень хороши... и скромны.

— Да, я их возьму... то есть кольцо и браслет, — сказала Доротея и, опустив руку, добавила другим тоном: — Но как жалки люди, которые отыскивают эти камни, гранят их и продают!

Наступило молчание, и Селия решила, что Доротея все-таки будет последовательна и откажется от изумрудов.

— Да, милочка, я их возьму, — произнесла Доротея решительно. — А остальное бери ты, и шкатулку тоже.

Она уже снова держала в руке карандаш, но по-прежнему смотрела на драгоценности, которые не стала снимать, и думала про себя, что часто будет любоваться этими двумя крохотными средоточиями чистого цвета.

— А в обществе ты будешь их носить? — спросила Селия с большим любопытством.

Доротея бросила на сестру быстрый взгляд. Как ни украшала она мысленно тех, кого любила, порой она оценивала их с проницательностью, которая была сродни испепеляющему высокомерию. Если мисс Брук было суждено достичь совершенного смирения, то уж во всяком случае не из-за недостатка внутреннего огня.

— Может быть, — произнесла она надменно. — Я не берусь предсказывать заранее, как низко способна я пасть.

Селия покраснела и расстроилась. Она поняла, что обидела сестру, и, не решившись даже поблагодарить ее за подаренные драгоценности, быстро сложила их в шкатулку и унесла. Доротея

тея продолжала чертить свой план, но и у нее на душе тоже было тяжело: она спрашивала себя, насколько искренни были ее побуждения и слова в разговоре, завершившемся этой маленькой взышкой.

Что касается Селии, то совесть твердила ей, что она совершенно права: ее вопрос был вполне допустимым и естественным. А вот Доротея вела себя непоследовательно — она должна была бы взять свою половину драгоценностей либо, сказав то, что она сказала, вовсе от них отказаться.

«Я убеждена... то есть я полагаю, что не стану молиться меньше оттого, что надену ожерелье. И теперь, когда мы начали выезжать, мнения Доротеи для меня вовсе не обязательны, хотя для нее самой они должны быть обязательными. Но Доротея не всегда последовательна...»

Так размышляла Селия, молча склоняясь над вышивкой, но тут сестра окликнула ее:

— Киска, пойди посмотри мой план. Я бы решила, что я великий архитектор, но только вот очаги и лестницы совершенно не вжуются друг с другом.

Когда Селия наклонилась над листом, Доротея нежно прижалась щекой к ее локтю. Селия поняла, что скрывалось за этим движением: Доротея призналась, что была не права. И Селия ее простила. С той поры как она себя помнила, Селия относилась к старшей сестре с робким благоговением, к которому примешивался скептицизм. Младшая всегда носила ярмо, но никакое ярмо не может помешать тайным мыслям.

ГЛАВА II

— Скажи, разве ты не видишь, что навстречу нам едет всадник на сером в яблоках коне и что на голове у него золотой шлем?

— Я ничего не вижу и не различаю, — отвечал Санчо, — кроме человека верхом на пегом осле, совершенно таком же, как мой, а на голове у этого человека что-то блестит.

— Это и есть шлем Мамбрина, — сказал Дон Кихот.

Мигель Сервантес. Дон Кихот

— Сэр Гемфри Дэви? — сказал за супом мистер Брук с обычной добродушной улыбкой, когда сэр Джеймс Четтем упомянул, что штудировал сейчас «Основания земледельческой химии» Дэ-

ви. — Как же, как же, сэр Гемфри Дэви. Много лет назад я обедал с ним у Картрайта. Там еще был Вордсворт — поэт Вордсворт, знаете ли. И престранная вещь! Я учился в Кембридже тогда же, когда и Вордсворт, но мы не были знакомы — и вот двадцать лет спустя я обедаю с ним у Картрайта. Пути судьбы неисповедимы. И там был Дэви. Поэт, как и Вордсворт. А вернее — тоже поэт. Что верно во всех смыслах слова, знаете ли.

Доротея чувствовала себя более неловко, чем обычно. Обед только начинался, общество было невелико, в комнате царила тишина, и эти обрывки бесконечных воспоминаний мирового судьи не могли остаться незамеченными. А такому человеку, как мистер Кейсобон, наверное, невыносимо слушать банальности. Его манеры, думала она, исполнены удивительного достоинства, а пышные седые волосы и глубоко посаженные глаза придают ему сходство с портретами Локка. Мистер Кейсобон был сухошав и бледен, как подобает ученому мужу, и являл полную противоположность типу полнокровного англичанина, воплощенному в сэре Джеймсе Четтеме, чьи румяные щеки были обрамлены рыжеватыми бакенбардами.

— Я читаю «Основания земледельческой химии», — продолжал милейший баронет, — потому что намерен сам заняться одной из моих ферм и посмотреть, нельзя ли улучшить ведение хозяйства и научить тому же моих арендаторов. Вы одобряете это, мисс Брук?

— Большая ошибка, Четтем, — вмешался мистер Брук, — пичкать землю электричеством и тому подобным и превращать коровник в дамскую гостиную. Ничего хорошего из этого не выйдет. Одно время я сам занимался наукой, но потом понял, что ничего хорошего из этого не выйдет. Она затрагивает все, и ничего нельзя оставить как есть. Нет, нет! Приглядывайте, чтобы ваши арендаторы не продавали солому и все такое прочее. И знаете ли, им нужна черепица для дренажа. Ну а от вашего образцового хозяйства толку не будет. Одни только расходы. Дешевле завести свору гончих.

— Но разве не достойнее тратить деньги на то, чтобы научить людей как можно лучше использовать землю, которая их кормит, чем на собак и лошадей, чтобы просто по ней скакать? — сказала Доротея. — Нет греха в том, чтобы истратить даже все свои деньги на эксперименты во имя общего блага.

Она сказала это с воодушевлением, которое не вполне шло молодой девице, но ведь сэр Джеймс сам спросил ее мнение. Он часто это делал, и она не сомневалась, что сумеет подсказать ему немало добрых и полезных дел, когда он станет ее зятем.

Пока Доротея говорила, мистер Кейсобон глядел на нее с особым вниманием, точно увидев ее по-новому.

— Юные барышни, знаете ли, в политической экономии не разбираются, — сказал мистер Брук, улыбаясь мистеру Кейсобону. — Вот, помнится, мы все читали Адама Смита. Да уж, это была книга! Одно время я увлекался всякими новыми идеями. Способность человека к совершенствованию, например. Однако многие утверждают, что история движется по кругу, и это можно подкрепить весьма вескими доводами. Я сам находил их немало. Что поделаешь: человеческий разум может завести нас слишком далеко — в придорожную канаву, так сказать. Одно время он и меня занес довольно-таки далеко, но потом я увидел, что ничего хорошего из этого не выйдет. И я натянул поводья. Как раз вовремя. Но не слишком резко. Я считал и считаю, что в какой-то мере теоретические построения необходимы. Мы должны мыслить, или же мы вернемся во мрак Средневековья. Но кстати о книгах. Я теперь по утрам читаю «Испанскую войну» Саути. Вы знаете Саути?

— Нет, — ответил мистер Кейсобон, не поспевая за резвым разумом мистера Брука и имея в виду книгу. — Для подобной литературы у меня сейчас почти не остается досуга. К тому же последнее время я слишком утомлял зрение старинной печатью. По правде говоря, я предпочел бы пользоваться по вечерам услугами чтеца. Но я очень разборчив в отношении голосов и не выношу запинок и ошибок в чтении. В некоторых отношениях это большая беда. Мне надо слишком много черпать из внутренних источников, я постоянно живу среди мертвецов. Мой ум подобен призраку какого-нибудь античного мужа, который скитается по миру, видит руины, видит перемены и мысленно пытается восстановить то, что было когда-то. Но я вынужден всячески беречь мое зрение.

Мистер Кейсобон впервые не ограничился кратким ответом. Он говорил четко и внятно, словно произнося публичную речь, и напевная размеренность его фраз, подкрепляемых легким наклоном головы, была особенно заметна по контрасту с путаным порханием добрейшего мистера Брука. Доротея подумала, что мис-

тер Кейсобон — самый интересный человек из всех, кого ей доводилось слышать, не исключая даже мосье Лире, лозаннского священника, который читал лекции по истории вальденсов. Воссоздать древний забытый мир — и, несомненно, во имя высочайших велений истины! Ах, быть причастной к подобному труду, пусть в самой смиренной роли, помогать, хотя бы просто заправляя лампу! Эта возвышенная мысль даже рассеяла досаду, вызванную насмешливым напоминанием о ее неосведомленности в политической экономии — неведомой науке, которую пускали в ход как гасильник, стоило ей загореться какой-то мечтой.

— Но вы же любите ездить верхом, мисс Брук, — сказал сэр Джеймс, спеша воспользоваться удобным случаем. — А потому мне казалось, что вы пожелаете познакомиться и с удовольствиями лисьей травли. Может быть, вы согласитесь испробовать моего гнедого? Он приучен ходить под дамским седлом. В субботу я видел, как вы ехали по склону холма на лошадке, которая вас недостойна. Мой грум будет приводить вам Коридона каждый день, скажите только, какой час вам удобен.

— Благодарю вас, вы очень любезны. Но я больше не намерена ездить верхом. Никогда! — воскликнула Доротея, приняв это внезапное решение главным образом под влиянием досады на сэра Джеймса, который искал ее внимания, когда оно было всецело отдано мистеру Кейсобону.

— И напрасно, поверьте мне, — сказал сэр Джеймс с упреком в голосе, выдававшим искреннее чувство. — Ваша сестра слишком сурова к себе, не правда ли? — продолжал он, повернувшись к Селии, которая сидела справа от него.

— Да, пожалуй, — ответила Селия, опасаясь рассердить Доротею и заливаясь прелестным румянцем до самого ожерелья. — Ей нравится во всем себе отказывать.

— Будь это правдой, Селия, следовало бы говорить не о суровости к себе, а о потакании своим желаниям. И ведь могут быть очень веские причины не делать того, что доставляет удовольствие, — возразила Доротея.

Мистер Брук сказал что-то одновременно с ней, но она видела, что мистер Кейсобон смотрит не на него, а на нее.

— Совершенно верно, — подхватил сэр Джеймс. — Вы отказываете себе в удовольствиях из каких-то высоких, благородных побуждений.

— Нет, это не совсем верно. Ничего подобного я о себе не говорила, — ответила Доротея, покраснев. В отличие от Селии она краснела редко и только когда очень радовалась или очень сердилась. В эту минуту она сердилась на нелепое упрямство сэра Джеймса. Почему он не займется Селией, а ее не оставит в покое, чтобы она могла слушать мистера Кейсобона? То есть если бы мистер Кейсобон говорил сам, а не предоставлял говорить мистери Бруку, который в эту минуту сообщил ему, что реформация либо имела смысл, либо нет, что сам он — протестант до мозга костей, но что католицизм — реальный факт, а что до того, чтобы не уступать и акра своей земли под католическую часовню, то всем людям нужна узда религии, которая, в сущности, сводится к страху перед тем, что ждет человека за гробом.

— Одно время я глубоко изучал теологию, — сказал мистер Брук, словно поясняя столь поразительное прозрение. — И кое-что знаю о всех новейших течениях. Я был знаком с Уилберфорсом в его лучшие дни. Вы знакомы с Уилберфорсом?

— Нет, — ответил мистер Кейсобон.

— Ну, Уилберфорс, пожалуй, не ахти какой мыслитель, но, если бы я стал членом парламента — а мне предлагают выставить мою кандидатуру, — я бы сел на скамью независимых, как Уилберфорс, и тоже занялся бы филантропией.

Мистер Кейсобон наклонил голову и заметил, что это очень обширное поле деятельности.

— Да, — сказал мистер Брук с благодушной улыбкой. — Но у меня есть документы. Я уже давно начал собирать документы. Их надо рассортировать — всякий раз, когда меня интересовал тот или иной вопрос, я писал кому-нибудь и получал ответ. Я могу опереться на документы. Но скажите, как вы сортируете свои документы?

— Преимущественно раскладываю по ячейкам бюро, — ответил мистер Кейсобон с некоторой растерянностью.

— А, нет! Я пробовал раскладывать по ячейкам, но в ячейках все перепутывается, и никогда не знаешь, где лежит нужная бумага — на «А» или на «Т».

— Вот если бы, дядя, вы позволили мне разобрать ваши бумаги, — сказала Доротея, — я бы пометила каждую соответствующей буквой, а потом составила бы список по буквам.

Мистер Кейсобон одобрительно улыбнулся и заметил, обращаясь к мистеру Бруку:

— Вам, как видите, было бы нетрудно найти превосходного секретаря.

— Нет-нет, — ответил мистер Брук, покачивая головой. — Я не могу доверить свои бумаги заботам юных девиц. У юных девиц всегда ветер в голове.

Доротею это глубоко огорчило. Мистер Кейсобон решит, что у ее дяди есть особые причины для подобного утверждения, тогда как это мнение, легковесное, точно сухое крылышко насекомого, просто родилось из общего сумбура его мыслей и ее коснулось лишь случайно.

Когда сестры удалились в гостиную, Селия сказала:

— Ах, как мистер Кейсобон некрасив!

— Селия! Я еще не видела мужчины столь благородного облика! Он удивительно похож на портрет Локка. Те же глубоко посаженные глаза!

— А у Локка тоже были две волосатые бородавки?

— Может быть, и были — на взгляд людей определенного рода! — отрезала Доротея, отходя к окну.

— Но у мистера Кейсобона такой желтый цвет лица!

— И прекрасно. Тебе, вероятно, нравятся мужчины розовые, как *cochon de lait*¹.

— Додо! — вскричала Селия, с удивлением глядя на сестру. — Прежде я не слыхала от тебя таких сравнений.

— А прежде для них не было повода! Очень удачное сравнение! Удивительно подходящее!

Мисс Брук явно забылась, и Селия прекрасно заметила это.

— Не понимаю, почему ты сердисься, Доротея.

— Мне больно, Селия, что ты смотришь на людей так, точно они животные, только одетые, и не замечаешь на человеческом лице отпечатка великой души.

— А разве у мистера Кейсобона великая душа? — Селия была не лишена простодушной злокозненности.

— Да, я в этом не сомневаюсь, — решительно ответила Доротея. — Все, что я вижу в нем, достойно его трактата о библейской космологии.

¹ Молочный поросенок (*фр.*).

— Но он почти ничего не говорит, — заметила Селия.

— Потому что ему тут не с кем разговаривать.

«Доротей просто презирует сэра Джеймса Четтема, — подумала Селия. — Наверное, она ему откажет. А жаль!»

Селия нисколько не обманывалась относительно того, кем из них интересуется баронет. Иногда ей даже приходило в голову, что Додо, пожалуй, не сумеет дать счастья мужу, не разделяющему ее взглядов. А в глубине ее души пряталось постоянно подавляемое убеждение, что ее сестра чересчур уж религиозна для семейной жизни. Все эти ее идеи и опасения были точно сломанные иголки — страшно ступать, страшно садиться и даже есть страшно!

Когда мисс Брук начала разливать чай, сэр Джеймс поспешил подсесть к чайному столику, нисколько не обидевшись на то, как она отвечала ему за обедом. Да это и понятно. Он полагал, что нравится мисс Брук, а манеры и слова должны стать совершенно уж недвусмысленными, чтобы уверенность — или, наоборот, подозрительность — не могла истолковать их на свой лад. Мисс Брук казалась баронету очаровательной, но, разумеется, он прислушивался не только к своему сердцу, но и к рассудку. Ему были свойственны разные превосходные качества, и в том числе одно редкое достоинство: он твердо знал, что таланты его, даже получи они полную волю, не зажгли бы и самого скромного ручейка в графстве, а потому он был бы только рад жене, которой можно по тому или иному поводу задать вопрос: «Так как же мы поступим?» — жене, которая способна помочь мужу советами и располагает достаточным состоянием, чтобы советы эти были вескими. Что же до излишней религиозности, которую ставили в вину мисс Брук, он толком не понимал, в чем эта религиозность заключается, и не сомневался, что после свадьбы она быстро пойдет на убыль. Короче говоря, он чувствовал, что сердце его сделало правильный выбор, и готов был к известному подчинению, тем более что мужчина при желании всегда может сбросить с себя такое иго. Правда, сэр Джеймс не думал, что ему когда-нибудь надоеет подчиняться этой красавице, чьим умом он восхищался. А почему бы и нет? Ведь ум мужчины, пусть самый скудный, имеет то преимущество, что он мужской (так самая чахлая береза — все-таки дерево более высокого порядка, чем самая стройная пальма), и даже невежество его кажется более почтенным. Возможно, сэр Джеймс был неоригинален в своих оценках, но крахмал или желатин тра-

диционности по милости Провидения способен укрепить и жиденькую веру.

— Позвольте мне надеяться, мисс Брук, что вы измените свое решение относительно лошади, — сказал настойчивый поклонник. — Поверьте, верховая езда чрезвычайно благотворна для здоровья.

— Мне это известно, — холодно ответила Доротея. — Я полагаю, что Селии было бы очень полезно ездить верхом.

— Ведь вы в таком совершенстве владеете этим искусством!

— Извините, но у меня было мало практики, и я не уверена, что всегда сумею удержаться в седле.

— Тем больше причин практиковаться. Всякой даме нужно уметь ездить верхом, чтобы она могла сопровождать своего мужа.

— У нас с вами совершенно разные взгляды, сэр Джеймс. Я решила, что мне не следует совершенствоваться в верховой езде, и, следовательно, никогда не уподоблюсь тому идеалу женщины, который рисуется вам!

Доротея глядела прямо перед собой и говорила с холодной резкостью, которая больше пошла бы гордому юноше и составляла забавный контраст с любезной обходительностью ее обожателя.

— Но мне хотелось бы знать причину столь жестокого решения. Не может быть, чтобы вы усматривали в верховой езде что-либо дурное.

— Однако вполне может быть, что мне ездить верхом все-таки не следует.

— Почему же? — осведомился сэр Джеймс тоном нежного упрека.

Тем временем мистер Кейсобон подошел к столику с пустой чашкой в руке и слушал их разговор.

— Не следует излишне любопытствовать о наших побуждениях, — произнес он со своей обычной размеренностью. — Мисс Брук знает, что, облеченные в слова, они утрачивают силу — происходит смешение флюидов с грубым воздухом. Росток, пробивающийся из зерна, не следует извлекать на свет.

Доротея порозовела от радости и бросила на него благодарный взгляд. Вот человек, который способен понять внутреннюю жизнь души, с которым возможно духовное общение, — нет, более того: чьи обширные знания озарят любой принцип, чья ученость сама по себе почти доказывает верность всего, во что он верит!

Выводы Доротеи кажутся несколько произвольными, но ведь жизнь вряд ли могла бы продолжаться, если бы не эта способность строить иллюзии, которая облегчает заключение браков вопреки всем препонам цивилизации. Кто когда сминал паутину доброго знакомства в тот крохотный комочек, каким она является в действительности?

— О, разумеется! — сказал добрейший сэр Джеймс. — Никто не станет настаивать, чтобы мисс Брук объяснила причины, о которых она предпочитает умолчать. Я убежден, что причины эти только делают ей честь.

Взгляд, брошенный Доротеей на мистера Кейсобона, не вызвал у баронета ни малейшей ревности. Ему и в голову не могло прийти, что девушка, которой он намеревался предложить руку и сердце, способна испытывать хоть какое-то чувство к иссохшему книгочею без малого пятидесяти лет — если не считать почтения как к священнослужителю, пользующемуся некоторой славой.

Но когда мисс Брук начала беседовать с мистером Кейсобоном о лозаннских священниках, сэр Джеймс отошел к Селии и заговорил с ней о ее сестре, упомянул про свой городской дом и осведомился, не испытывает ли мисс Брук предубеждения против Лондона. Селия, когда Доротеи не было рядом, разговаривала легко и непринужденно, и сэр Джеймс сказал себе, что младшая мисс Брук не только хороша собой, но и очень мила, хотя вовсе не умнее и не рассудительнее сестры, как утверждают некоторые люди. Он верил, что его избранница во всех отношениях прекраснее, а всякий человек, естественно, предпочитает хорошему наилучшее. Поистине лишь лицемер из лицемеров решился бы отрицать это.

ГЛАВА III

Богиня, молви, что произошло,
Когда любезный Рафаил, архангел...
...Его словам

Внимала Ева и была полна
Восторгом, узнавая о вещах
Столь дивных и высоких.

Джон Мильтон. Потерянный рай. Кн. VII

Если бы мистер Кейсобон действительно пришел к заключению, что в мисс Брук он найдет подходящую для себя супругу, ее в этом убеждать было бы излишне: доводы в пользу брака с ним

уже пустили ростки в ее сознании, а к вечеру следующего дня дали бутоны и расцвели пышным цветом. Ибо утром они долго беседовали между собой — Селия, не имея никакого желания любоваться бородавками и желтизной лица мистера Кейсобона, отправилась к младшему священнику поиграть с его плохо обутыми, но веселыми детишками.

К этому времени Доротея успела глубоко заглянуть в никем не меренное озеро ума мистера Кейсобона, увидела там смутное, сложное, как лабиринт, отражение качеств, которые сама же вообразила, рассказала ему о собственных борениях и почерпнула некоторые сведения о его великом труде, также обладавшем заманчивой сложностью лабиринта. Ибо он наставлял и поучал с не меньшей охотой, чем мильтоновский «любезный архангел», и в несколько архангельской манере поведал ей о своем намерении доказать (разумеется, такие попытки уже предпринимались, но им не хватало той полноты, точности сравнений и логичности, которых надеялся достичь мистер Кейсобон), что все мифологические системы и отдельные обрывки мифов представляют собой искажения некогда заповеданного человечеству единого их источника. Достаточно овладеть верной исходной позицией, утвердиться в ней, и сразу бесчисленные мифологические построения обретут ясность, воссияют отраженным светом соответствий. Но уборка этого великого урожая истины — труд нелегкий и нескорый. Его заметки уже составили внушительное число томов, однако впереди предстоит главная задача — свести эти обильные и все еще умножающиеся результаты воедино и придать им, как некогда гиппократическим сборникам, сжатую форму, так, чтобы они уместились на одной небольшой полке. Объясняя это Доротею, мистер Кейсобон говорил с ней, точно с ученым собратом, ибо не умел говорить иначе. Правда, каждую свою латинскую или греческую фразу он скрупулезно сопровождал переводом, но, впрочем, он, вероятно, в любом случае делал бы то же. Ученый провинциальный священник привык видеть в своих знакомых тех «лордов, рыцарей и прочих людей, и знатных и достойных, что мало сведущи в латыни».

Доротею покорила широта этой идеи. Тут речь шла не о нравоучительных повестях для молодых девиц. Перед ней был живой Боссюэ, чей труд примирит полное знание с истинным благочестием, современный Августин, объединяющий в себе великого ученого и великого святого.

Святость казалась столь же несомненной, как и ученость: когда Доротея позволила себе коснуться некоторых заветных тем, обсуждать которые ей в Типтон-Грейндже до сих пор было не с кем, — главным образом, второстепенности церковных догматов и обрядов в сравнении с религией духа, полным растворением личности в приобщении к Божественному совершенству, о чем, по ее убеждению, повествовали лучшие христианские книги всех времен, — она обрела в мистере Кейсобоне слушателя, который понимал ее с полуслова, поддерживал эту точку зрения, правда с кое-какими мудрыми ограничениями, и приводил исторические примеры, дотоле ей неизвестные.

«Он разделяет мои мысли, — сказала себе Доротея. — А вернее, его мысли — обширный мир, мои же — лишь скромное зеркальце, этот мир отражающее. И чувства его, вся его жизнь — какое море в сравнении с моим сельским прудом».

Мисс Брук выводила свои заключения из слов и утверждений с решительностью, вообще свойственной девицам ее возраста. Мелочи вовсе даже не многозначительные поддаются бесчисленным истолкованиям, и для искренних и увлекающихся молодых натур любая мелочь оборачивается источником удивления, надежды, доверия, необъятных, как небо, и расцвеченных распыленными частицами фактов. И далеко не всегда они грубо обманываются. Ибо даже Синдбад благодаря счастливому стечению обстоятельств время от времени рассказывал правду, а неверные рассуждения иной раз помогают бедным смертным прийти к правильным выводам, — отправившись в путь не оттуда, откуда следовало бы, петляя, двигаясь зигзагами, мы порой попадаем точно к месту нашего назначения. Если мисс Брук поторопилась приписать мистеру Кейсобону множество достоинств, это еще не значит, что он был вовсе их лишен.

Он остался дольше, чем предполагал вначале, сразу согласившись на приглашение мистера Брука — даже не очень настойчивое — познакомиться с некоторыми документами его коллекции, относящимися к уничтожению машин и поджогам амбаров с зерном. Мистер Кейсобон проследовал в библиотеку, где узрел кипы бумаг. Хозяин дома вытаскивал из этого вороха то один документ, то другой, неуверенно прочитывал вслух несколько фраз, перескакивая с абзаца на абзац, бормотал: «Да, конечно, но вот тут...», а потом отодвинул их в сторону и открыл путевой дневник, который вел в молодости во время своих путешествий.

— Посмотрите, это все о Греции. Рамнунт, развалины Рамнунта... вы же такой знаток всего греческого. Не знаю, занимались ли вы топографией. Я на это не жалел времени — Геликон, например. Вот тут: «На следующее утро мы отправились на Парнас, двуглавый Парнас». Вся эта тетрадь, знаете ли, посвящена Греции, — заключил свои объяснения мистер Брук, взвешивая дневник в руке и проводя ногтем большого пальца по обрезу.

Мистер Кейсобон слушал его с должным вниманием, хотя и с некоторой тоской, — где надо, наклонял голову и, хотя всячески избегал заглядывать в документы, однако, насколько это было в его силах, не выказывал ни пренебрежения, ни нетерпения, памятуя, что подобная беспорядочность освящена традициями страны и что человек, увлекший его в эти бестолковые умственные блуждания, не только радушный хозяин, но также помещик и *custos rotulorum*¹. А может быть, в этой стойкости его укрепляла мысль о том, что мистер Брук доводится Доротеем дядей?

Во всяком случае, он, как не преминула заметить про себя Селлия, все чаще искал случая обратиться к ней с вопросом, заставить ее разговориться или просто смотрел на нее, и его лицо, точно бледным зимним солнцем, освещалось улыбкой. На следующее утро, прогуливаясь перед отъездом с мисс Брук по усыпанной гравием дорожке возле террасы, он посетовал на свое одиночество, на отсутствие в его жизни того благотворного общения с юностью, которое облегчает серьезные труды зрелости, внося в них приятное разнообразие. Произнес он эту сентенцию с такой отточенной четкостью, словно был полномочным посланником и каждое его слово могло иметь важные последствия. Впрочем, мистер Кейсобон не привык повторять или изменять то или иное свое утверждение, когда оно касалось дел практических или личных. И, вновь вернувшись в беседе к склонностям, о которых вел речь второго октября, он не стал бы повторяться, а счел бы достаточным простое упоминание этой даты, исходя из свойств собственной памяти, подобной фолианту, в котором ссылка «*vide supra*»² вполне заменяет повторения, а не промокательной бумаги, хранящей отпечатки забытых строк. Однако на этот раз мистер Кейсобон не был бы обманут в своих ожиданиях, ибо все, что он говорил, Доротеей выслушивала и запоминала с жадным интересом живой

¹ Здесь: мировой судья (*лат.*).

² См. выше (*лат.*).

юной души, для которой каждое новое впечатление — это целая эпоха.

Мистер Кейсобон уехал к себе в Лоуик (до которого от Типтон-Грейнджа было всего пять миль) лишь в четвертом часу этого ясного прохладного осеннего дня, а Доротея, воспользовавшись тем, что она была в шляпке и шали, сразу же направилась через сад и парк в примыкающий к ним лес в сопровождении лишь одного зримого спутника — огромного сенбернара Монаха, неизменного хранителя барышень во время их прогулок. Перед ней предстало видение возможного ее будущего, и она с трепетной надеждой искала уединения, чтобы без помех обозреть мысленным взором это желанное будущее. Быстрый шаг и бодрящий воздух разрумянили ее щеки, соломенная шляпка (наши современницы, возможно, поглядели бы на нее с недоумением, приняв за старинную корзинку) чуть-чуть сдвинулась назад. Портрет Доротеи будет неполным, если не упомянуть, что свои каштановые волосы она заплетала в тугие косы и закручивала узлом на затылке — а это было немалой смелостью в эпоху, когда общественный вкус требовал, чтобы природная форма головы маскировалась бантами и баррикадами крутых локонов, какие не удалось превзойти ни одному просвещенному народу, кроме фиджийцев. В этом также проявлялся аскетизм мисс Брук. Но трудно было найти хоть что-нибудь аскетическое в выражении ее больших ясных глаз, взор которых не замечал вокруг ничего, кроме гармонизировавшего с ее настроением торжественного блеска золотых лучей, длинными полосами перечеркивавших глубокую тень уходящей вдаль липовой аллеи.

Все люди, как молодые, так и старые (то есть все люди тех дореформенных времен), сочли бы ее интересным предметом для наблюдения, приняв пылание ее глаз и щек за свидетельство обычных грез недавно вспыхнувшей юной любви. Иллюзии, которые Стрефон внушил Хлое, уже освящены поэзией в той мере, какой достойна трогательная прелесть доверия, подаренного с первого взгляда. Мисс Фиалка, дарящая свое обожание молодому Репью и предающаяся мечтам о бесконечной веренице дней и лет, украшенных неизменной душевной нежностью, — вот маленькая драма, которая никогда не приедалась нашим отцам и матерям и разыгрывалась в костюмах всех времен. Лишь бы Репей обладал фигурой, которую не портил даже фрак с низкой талией, и все считали не только естественным, но даже необходимым свидетельст-

СОДЕРЖАНИЕ

Прелюдия	5
Книга I. МИСС БРУК	7
Книга II. СТАРОСТЬ И ЮНОСТЬ	123
Книга III. В ОЖИДАНИИ СМЕРТИ	229
Книга IV. ТРИ ЛЮБОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	320
Книга V. РУКА МЕРТВЕЦА	426
Книга VI. ВДОВА И ЖЕНА	526
Книга VII. ДВА ИСКУШЕНИЯ	626
Книга VIII. ЗАКАТ И ВОСХОД	715
Финал	807
Комментарии. <i>И. Гурова</i>	815

Элиот Дж.

Э 46 Мидлмарч : Картины провинциальной жизни : роман / Джордж Элиот ; пер. с англ. И. Гуровой, Е. Коротковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 832 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-12115-7

Мэри Энн Эванс, писавшая под псевдонимом Джордж Элиот, вошла в историю английской литературы как один из выдающихся мастеров поздневикторианского романа. Роман «Мидлмарч» — главное произведение писательницы, подлинный шедевр, в котором нашли свое отражение все главные идеи, характеры и сюжетные ходы английской литературы конца XIX века. Место его действия — провинциальный городок в Средней Англии со всеми его тайнами и загадками, скрывающимися за красивыми фасадами благоустроенных домов. «Посетив» Мидлмарч, читатель найдет здесь достаточно развлечений для сердца и ума: неудачные и счастливые браки, аферы с наследством, лживые светские условности, интриганы всех мастей и добросердечные пастыри, истинная любовь и ветреные измены... Недаром роман «Мидлмарч» присутствует во многих списках лучших книг всех времен, — богатый событиями, он сочетает в себе классическое изящество стиля с увлекательностью сюжетных перипетий.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОРДЖ ЭЛИОТ
МИДЛМАРЧ
КАРТИНЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Елена Шнитникова

Подписано в печать 26.07.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILN-28147-03-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/